

УДК 32(329.3)

DOI: 10.17223/1998863X/51/19

О.С. Пустошинская

ДЖИХАДИСТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ КАК КОНТРВЛАСТЬ: ЭКСПЛИКАЦИЯ В ЛОГИКЕ КОММУНИКАТИВНО-СЕТЕВОЙ КОНЦЕПЦИИ М. КАСТЕЛЬСА

Представлен авторский взгляд на проблему осмысления терроризма. Внимание акцентируется на джихадистском типе. Обосновывается актуальность прогрессивной эвристики, работающей на подкрепление знания об объекте исследования. Предлагается рассматривать его, основываясь на коммуникативно-сетевой концепции М. Кастельса. Правомерность подхода аргументируется путем обращения к соответствующей практике, отраженной в отчетах международных организаций, аналитических центров, материалах СМИ.

Ключевые слова: *контрвласть, террористические сети, насилие, дискурс.*

Проблема терроризма относится к разряду ключевых, вызывающих беспрецедентное внимание государственных и общественных структур, а также активацию исследовательской рефлексии. Логика выбора фокуса в данном случае очевидна: запускаются механизмы самозащиты при гиперугрозе институциональному порядку и безопасному существованию людей.

Причинность иного свойства лежит в плоскости интеллектуального производства. Эвристическая ценность любого концептуального решения имеет краткосрочную перспективу в ситуации непредсказуемости террористических проявлений, их подчиненности алгоритму самосовершенствования. Отсюда приближенный к действительности характер когнитивных построений, потребность в обновлении оптики анализа и прогноза.

В попытке найти ответы, способствующие снижению и нейтрализации остроты обозначенной проблематики, есть смысл апеллировать к идеям М. Кастельса, чья коммуникативная теория обладает прогрессивным компонентом. Воззрения автора, резонируя с динамикой современности, переопределяют ориентир интеллектуального поиска, замыкая взгляд на цифровой и сетевой специфике эволюции терроризма. Кроме того, новый формат позволяет углубить представления о феномене и рассмотреть его как самоорганизующуюся систему контрвласти.

Следуя данной логике, маркированию подлежит ряд положений теории [1. С. 66, 68; 2. С. 776]:

- в условиях сжатия времени и пространства появляются новые формы господства при утрате государствами монополии на доминирование;
- власть концентрируется вокруг сетей, которые обуславливают ее производство, капитализацию авторитета либо ослабление до минимума легитимности;
- действия системных агентов и сетевых акторов, представляющих власть и контрвласть, подчинены общей логике – источниками господства

остаются «...насилие и дискурс, принуждение и убеждение, политическое доминирование и культурное фреймирование...» [1. С. 68];

– контроль над коммуникативным и ценностно-смысловым полями достигается посредством перепрограммирования сетей, а также блокировки и перенастройки межсетевых переключателей.

Упорядочивая интерпретационный процесс согласно выбранной концептуальной схеме, следует остановиться на двух наблюдаемых ипостасях современного терроризма, которые позволяют развернуть понимание феномена, возвысив его до положения контрвласти.

Первая обнаруживает себя на поверхности восприятия при демонстрации факта обладания метакапиталом. Это означает накопление в террористической среде мощи, позволяющей ее субъектам воплощать претензию на автономию воли и замещение легализованного порядка контрастирующей моделью социально-политической организации.

Явное свидетельство того, что терроризм завоевывает новые позиции в пространстве властных отношений, улавливается в официальном реагировании. В июне 2017 г. учреждено Контртеррористическое управление ООН, призванное усилить роль организации в деле борьбы с терроризмом, и принята новая «Глобальная контртеррористическая стратегия», направленная на оптимизацию международного сотрудничества, достижение согласованности в действиях правительств, а также оказание помощи странам, нуждающимся в поддержке мирового сообщества [3].

Тезис справедлив и в отношении последствий деструктивной деятельности, связанных с диктатом ритма общественной жизни и индуцированием социетальных, политико-правовых, финансово-экономических и иных трансформаций.

К примеру, внесение элементов хаоса и страха в благополучный западный мир привело к пересмотру миграционного и антитеррористического законодательства в сторону ужесточения, расширению полномочий надзорных, правоохранительных и репрессивных органов [4. С. 2–3]. Реакция предупредительной враждебности актуализировала проблему конфликта культур, спровоцировала усиление напряженности между диаспорами и абсорбирующими социумами. Рост ксенофобных настроений вылился в укрепление позиций партий правого толка [5].

С другой стороны, в ситуации структурных ограничений, некомфортного климата среды сформировался тренд на расширение лояльной террористам социальной ниши. В 2015–2017 гг. более 28 тыс. человек из 50 стран мира присоединились к ДАИШ. Среди причин их мотивации экспертами установлены: низкий уровень доверия к государственным учреждениям, проблемы профессиональной мобильности и благосостояния, нереализованное чувство групповой идентичности и разделения ценностей, ощущение дискриминации по признаку принадлежности к иному культурному пласту [6].

Присутствие в политической повестке дня проблемы оптимизации антитеррористической борьбы стимулировало появление высокотехнологичного рынка, где безопасность превратилась в продукт интенсивных продаж. Доходные производства связаны с выпуском механизмов определения взрывоопасных веществ, мониторинга людских потоков, транспорта, перевозки гру-

зов. Государства инвестируют миллиарды долларов в год в кибербезопасность [7, 8].

Обратный эффект развития кибериндустрии – угроза приближения террористов к компьютеризированным системам национальной безопасности и цифрового управления критическими объектами инфраструктуры, финансового сектора. Вызовом для мирового сообщества стало появление Dark Web и разработка специальных программ I2P, Tor или Tor2web, что расширило пространство для подпольной деятельности [7, 8].

Подтверждения узурпации террористическими организациями политических прерогатив видятся также в приватизации ими управленческих функций, среди которых:

- контроль над совокупностью ресурсов на захваченных территориях;
- утверждение субординации, предписывающей политические и социальные роли;
- установление правил поведения дисциплинирующего и направляющего характера;
- мобилизация лиц для осуществления военных операций и деструктивных акций.

Так, практика ХАМАС, «Хизбаллы», «Талибана» дает примеры конкуренции формирований с правительствами по отправлению административных функций, проведению фискальной политики, организации социально-экономической жизни населения [6, 10].

Осмыслить риск материализации террористической версии этатического строительства представляется возможным при обращении к деятельности ДАИШ. Среди достижений данной организации – попытка реализации архаичного проекта исламской государственности в границах экспансированных регионов Сирии и Ирака со столицей в городе Ракка. Военно-теократический режим показал себя способным не только присваивать общественное пространство, но и преодолевать эрозию порядка, в короткий срок выстроив жесткую субординированную структуру во главе с халифом и аппаратом управления и реанимировав функциональность сфер, определяющих удовлетворительное существование социального организма [10].

Второе сущностное проявление терроризма заключается в его состоятельности как системы отношений, которая, несмотря на сложность и дисперсность, создает кооперационную власть диверсифицированного негосударственного насилия. Структурно имеет место полнографная сеть, конструируемая множеством транзакций неэквивалентного интерперсонального и межгруппового уровня, неравнозначной плотности, гетерогенной специализации, вертикального и горизонтального построения.

Иерархический сегмент, характерный для организующего центра и аффилированной с ним совокупности региональных формирований, дополняется экстерриториальной индивидуальной и микроколлективной автономностью сетевого рынка, вариантами наложения и пересечения устоявшихся личных off- и online-контактов, опосредованного через третьих лиц дискретного общения. Диалектика отношений отличается конвергенцией параллельно развивающихся процессов: интернационализации и локализации коммуницирования.

Распределение влияния внутри организационного сегмента системы задается комбинацией коррелятов. Значение имеют статус субъектов, размер располагаемых ими капиталов, согласованность целей, мера эквивалентности обменов и др. Участники развернуты одновременно к эндо- и экзо-взаимодействиям, которые распадаются на типы: сотрудничество и конфронтацию, слияние и дистанцирование, единение и соперничество, консенсус или диссенсус. Под влиянием изменяющихся условий осуществляется перетекание одного типа в другой.

Так, версию возобновляемого конфликта демонстрируют подразделения «Талибана», находящиеся в состоянии конкуренции за контроль над маковыми плантациями и лабораториями по производству героина. В 2014–2015 гг. часть движения была кооптирована ДАИШ, другая при лояльности ключевому игроку сохранила самостоятельность. Не вписалась в процесс солидаризации ситуация на востоке Афганистана, где в 2015 г. активизировались столкновения между игиловцами и талибами, стремящимися противостоять ущемлению их господства. В то же время на севере страны обозначилась тенденция к усилению взаимодействия группировок, представляющих ДАИШ, «Аль-Каиду» и «Талибан» [9].

Пример фракционного раскола с последующей идентификацией с внешними акторами дает опыт нигерийского формирования «Боко Харам». В 2016 г. структура распалась на три части: автономную, аффилированную с ДАИШ и примкнувшую к «Аль-Каиде» [6].

Очевидно, что конфигурация отношений зависимости не является стабильной. Обновление осуществляется с появлением сильнее участника, способного стать держателем авторитета, оказывать поддержку мелким группировкам, формировать сети, генерировать метапрограмму.

При внутренних противоречиях, а также агрессивном внешнем воздействии система демонстрирует способность к сохранению жизнестойкости за счет фрагментации и текучести элементов, пластичности соединений. В ситуации повышенной уязвимости ядро и узлы сети мимикрируют, растекаясь в объеме импловивной ячеистой периферии. При благоприятных обстоятельствах осуществляются реверс к группировке разрозненных единиц, их передислокация и заявление о себе в новом качестве. Это можно проследить, возвращаясь к практике «Аль-Каиды».

Отражением пространственной организации ее клонированного представительства служат возобновляемые в официальных отчетах и литературе упоминания об активности узловых единиц и модуса субъектности микроуровня, рассеянной в космополитической среде стран мира. Потеря формированием в начале 2000-х гг. монолитности, вызванная военным давлением США и его союзников, в настоящее время отвечает задачам превентивной защиты террористов.

В частности, воздействие на разбалансировку политической ситуации на Аравийском полуострове оказывает отделение «Аль-Каиды», базирующееся в Йемене. «Аль-Каида в исламском Магрибе» несет ответственность за нападения в зоне Сахеля и Северной Африки. «Аль-Каида на Индийском субконтиненте» действует в Афганистане, Бангладеш, Индии и Пакистане. Ареал деструктивности «аль-Шабаб» охватывает Кению и Сомали. В Сирии заре-

комендовал себя «Джебхат ан-Нусра», дистанцировавшийся от управленческой структуры [6].

Прецедент организационного воспроизводства – метаморфоза «Аль-Каиды в Месопотамии», послужившей основой для формирования ДАИШ. Экспертами прогнозируется, что ослабление организации не воспрепятствует горизонтальному рассредоточению ее боевиков [8, 9]. Называется свыше 30 государств, в которых членами ДАИШ созданы ячейки резидентуры в соответствии с логикой диверсификации рисков [6].

Справиться с проблемой выпадения звеньев в сети позволяет также механизм общинно-идентификационного восполнения. Вызов политическим режимам бросают автохтонные образования. Вырабатывая локальный мобилизационный потенциал и сосредоточиваясь на местном контексте, они множественной активностью способствуют центростремительности усилий по укоренению идеи, отсылающей к универсализации исламского цивилизационного кода в качестве привилегированного.

Так, в России известность получил «Имарат Кавказ» [11], в Великобритании – «аль-Мухаджирун», в Пакистане – «Лашкар-и-Джангви», в Индии – «Лашкар-э-Тайба» и «Хизбул-моджахеды». В Йемене действует «Ансар Аллаха», на Филиппинах – «Ансар аль-Хилафа» [6, 12]. В Кыргызстане активно проявило себя «Исламское движение восточного Туркестана», в Узбекистане – «Джамаат Имам Бухари» [9].

Наконец, на подкрепление функциональности системы срабатывает пассионарность террористов-одиночек. Руководствуясь нарративом «джихада», они действуют как суверенные акторы, самостоятельно устанавливая мишени атак и способы их реализации.

К данному кластеру относится преступление, совершенное в 2013 г. братьями Царнаевыми, которые активировали взрывные устройства во время Бостонского марафона. ФБР указало, что нападавшие, мотивированные экстремистскими взглядами, не были связаны с террористической сетью [13]. Аналогичную квалификацию получили действия О. Матина, устроившего стрельбу в клубе «Pulse» в 2016 г. в г. Орlando штата Флорида [14].

Способность анализируемой системы отношений к самокопированию и масштабированию позволяют джихадистскому терроризму распространяться в параметрах общепланетарного охвата. На сегодняшний день его география включает кластер субрегионов: Восточное Средиземноморье; Аравию; Средний Восток; Южную, Юго-Восточную, Центральную Азию; Северную, Центральную, Восточную Африку; Западный Судан. Процесс расширения карты мест, где разворачивается деятельность по усилению присутствия, продолжается в направлении Кавказа, Европы, Северной Америки, Австралии.

Факт террористических приобретений в плане органической солидарности вступает в противоречие с гуманным человеческим началом. Объяснение видится в результативности дискурсивных практик, призванных перепрограммировать целевые аудитории в соответствии со сконструированной богословами радикальных течений ислама парадигмой.

Благодаря усердию коммутаторов в лице проповедников и представителей инстанций, специализирующихся на выработке смыслов, культивировании принципов миропонимания и поведенческой регуляции, а также сетевых акторов, вмешивающихся в процесс настройки ментальных структур в ходе

коммуницирования, достигается приемлемость контрлегитимности в средах, разделяющих ее содержание.

Переключателями, с помощью которых осуществляется перезагрузка когнитивных и духовно-нравственных программ личности, выступают два вида производств: нормативно-религиозное, исходящее от функций регламентирующего, социализирующего и надзорного свойства, и культурное, содержание знаково-символических комплексов которого наделяется сакральными значениями и натурализуется возвращением к архетипу традиций шариата и адата.

При этом задействуется палитра дискурсов и развиваются вербальные и невербальные типы. Режим бескодового дискриптивного, а также коннотативного и манифестного означивания выстраивается в бинарном ключе оппозиций.

Разоблачения немусульманской цивилизационной динамики проводятся посредством корреляции с социальными антагонизмами. Выбираются ассоциаты, связанные с проявлениями неэгалитарности, маргинализации, культурного отчуждения, падения нравов. Стереотипизируется образ врага, представленный зависимыми правительствами исламских стран, интервенционистски ориентированными державами, неугодными политиками и духовными лидерами, служащими силовых структур [15].

В тезаурус самопозиционирования вводятся элементы демонстрации собственной автономии воли и социальной ответственности, реабилитируется джихад, репрезентируемый в категориях священного долга, героизируются моджахеды и шахиды как воинство, выступающее на стороне угнетаемых групп. В этику дискурса включаются понятия религиозной чистоты, традиционных устоев, социальной справедливости, семейных ценностей [12].

Применяется дифференцированный подход к процессу воздействия на разные объекты, разводятся методы персуазивного влияния.

В случае с истинно верующими превалируют простые схемы: неприкрытое анонсирование заявки на избранность, резкость обвинений в адрес антимира, запугивание в части, касающейся не присоединяющейся внутренней аудитории, цинизм в призывах реализации миссии без оглядки на средства. Например, для артикуляции месседжа с экстремистскими смыслами используются нашид – песнопение в хоровом и сольном исполнении, и дуа – молитва, квинтэссенцией которой является личная просьба. В канонические тексты вводятся повествования об успехах террористов, обращения с требованием уничтожить кафилов и их приспешников [9].

При реагировании на потенциал вербовки примат отдается тонким решениям. Риторика смягчается, нигилизм и презрение к инаковости уступают место мистификации, провокации, эксплуатации утилитарными мотивами. В Интернете выставляются стенограммы проповедей, проводятся беседы в чатах, видеоконференции и форумы. Вклад в изменение концептосферы вносят видеоигры, моделирующие теракты в расчете на эффект радикализации сознания реципиентов [9, 12, 15].

В отношении чужеродной социальной массы, отторгающей терроризм, и противостоящего истеблишмента логика дискурса выхолащивается до пределов насаждения страха и диктата ультиматумов. Восходящим трендом становятся трансляции массовых убийств и казней, оформляемых в стилистике

театрализованного спектакля [12]. Согласуется с полиморфизмом интерфейса деятельность «Объединенной киберармии». Альянс выставляет плакаты и видеоролики в Twitter и Telegram с угрозами Западу, публикует списки объектов для физического уничтожения. Так, в перечень 2017 г. было включено 8 786 имен военнослужащих и гражданских лиц из США и Великобритании [7].

Таким образом, оперирование положениями теории М. Кастельса способствует обогащению научной традиции, в рамках которой исследуется и эксплицируется терроризм, в том числе радикально-исламского типа. Обновленный подход открывает перспективы для рассмотрения проблематики под иным углом зрения и дает начало видению феномена как контрвласти.

В целом это корреспондирует актуальным трендам современности. В условиях цифровизации и сетевизации общества террористические сообщества получают возможность добиваться успехов в претензии на оспаривание институционально оформленного доминирования, используя ключевые источники диктата воли: насилие и авторитет. В последнем случае речь идет о господстве над сознанием и поведением людей, достигаемом путем задействования доступных каналов и инструментов психологического и мировоззренческого воздействия.

С опорой на комбинацию коерсивного и дискурсивно-суггестивного принуждения обеспечивается влияние на различные сегменты систем, провоцируя в них изменения и сдвиги в траектории динамики, а также контроль над частью территорий и социального пространства. В логике расширения и укрепления террористической солидарности реализуется политика культурной перекодировки, включая компоненты морали, ценностного ориентирования, образа жизни и самоидентификации.

Литература

1. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : ИД Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
2. Castells M. A Network Theory of Power // International Journal of Communication. 2011. Vol. 5, № 1. P. 773–787.
3. Отчет Генеральной Ассамблеи ООН A/71/PV.93 от 28 июля 2017 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <http://webtv.un.org/en/ga/watch/Генеральная-ассамблея-93-е-пленарное-заседание-71-я-сессия.5524642286001> (дата обращения: 17.06.2018).
4. Потемкина О. Усиление угрозы терроризма в Европе и ответ ЕС // Аналитическая записка. 2016. № 9. С. 1–6.
5. Арбатова Н.К., Андреева Т.Н., Васильев В.И. и др. Феномен правого и левого популизма в странах ЕС : аналитический доклад ОЕПИ // ИМЭМО РАН. URL: <http://www.institute-ofeurope.ru/images/uploads/doklad/335.pdf> (дата обращения: 15.06.2018).
6. Global Terrorism Index, 2017 // Institute for Economics and Peace. URL: <http://globalterrorismindex.org> (accessed: 14.06.2018).
7. 2017 Cyber Risk Landscape // Cambridge Judge Business School. URL: https://www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/risk/downloads/crs-rms-cyber-risk-landscape-2017.pdf (accessed: 17.06.2018).
8. Dark Web: Congressional Research Service Report by K. Finklea, March 2017 // Federation of American Scientists. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44101.pdf> (accessed: 18.06.2018).
9. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам-членам ОДКБ на центрально-азиатском и афганском направлениях : аналитический доклад Аналитической ассоциации ОДКБ и Института международных исследований МГИМО МИД России, 2017 г. // Институт международных исследований МГИМО МИД России. URL: http://imi-mgimo.ru/images/pdf/analiticheskie_doklady/igil.pdf (дата обращения: 14.06.2018).
10. Исламское государство: феномен, эволюция, перспективы : аналитический доклад Института международных исследований МГИМО МИД России, январь 2016 // МГИМО МИД

России. URL: [https://mgimo.ru/upload/2016/01/an-doc-1\(45\)_2016.pdf](https://mgimo.ru/upload/2016/01/an-doc-1(45)_2016.pdf) (дата обращения: 14.06.2018).

11. *Исламское государство: сущность и противостояние* : аналитический доклад // Кавказский геополитический клуб. URL: <http://kavkazgeoclub.ru/sites/default/files/pdfpreview/dokladig-final.pdf> (дата обращения: 15.06.2018).

12. Доклад Генерального секретаря об угрозе для международного мира и безопасности, которую создает ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий ООН по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой S/2016/92 от 29 января 2016 // Организация Объединенных Наций. URL: <http://undocs.org/ru/S/2016/92> (дата обращения: 17.06.2018).

13. Теракт на Бостонском марафоне 15 апреля 2013 г. // РИА новости: сетевое издание. URL: <https://ria.ru/spravka/20150415/1058333699.html> (дата обращения: 17.06.2018).

14. Расследование бойни в ночном клубе в Орландо. Хроника событий // ТАСС : сетевое издание. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3359349> (дата обращения: 17.06.2018).

15. *Cyber-Terrorism Activities: Report 16, January-March 2016* // International Institute for Counter-Terrorism. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/ICT-Cyber-Review-16.pdf> (accessed: 15.06.2018).

Olga S. Pustoshinskaya, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: pustoshinskayaolga@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 51. pp. 183–191.

DOI: 10.17223/1998863X/51/19

JIHADIST TERRORISM AS A COUNTER-POWER: EXPLICATION IN THE LOGIC OF MANUEL CASTELLS' COMMUNICATION NETWORK CONCEPT

Keywords: counter-power; terrorist networks; violence, discourse.

Taking into account the risk potential and the destructiveness of terrorism, as well as the factor of its progressive development, the task of an intellectual reflection on enhancing knowledge about the phenomenon acquires scientific significance. The issue is especially relevant for terrorism of a jihadist type, demonstrating a transition from a regime of dispersed local and sporadically manifested cases of dictate of will to a level of permanent geopolitical influence. The aim of the article is to verify the hypothesis of the possibility of explication of jihadist terrorism as a counter-power. The methodological guideline for the study was the provisions of Manuel Castells's communication network concept resonating with the network and digital dynamics of the present. To substantiate the assumptions and conclusions, the author of the article appeals to sources of information concerning the most important aspects of terrorism: reports and accounts of the UN, the Collective Security Treaty Organization, analytical data of foreign and Russian expert communities, research centers and institutions, and media materials. Valuable material was also received from research articles on the topics under study. The article includes several logically interconnected parts. At the beginning of the text, the need for the evolution of a heuristic that works to reinforce the existing theoretical ideas about the object of study is problematized. Attention is focused on Castells's views relevant in terms of their applicability to the present analysis. Further, the essential manifestations of jihadist terrorism are indicated that show that this type of terrorism acquired the status of a counter-power. Based on the factual material, the idea is proved that the terrorist community is building a meta-capital and becoming a political counteragent that influences the global and regional processes, forms networks and acts as a trans-communicative center for radical consolidation and integration. By organically complementing the tactics of direct violence with discourse practices, terrorists reprogram the consciousness of recipients, which determines the multiplication of the nongovernmental component in different societies. Finally, a conclusion is drawn on the transformation of jihadist terrorism toward asserting itself as a force challenging the dominance of the institutionally organized order.

References

1. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [Communication. Power]. Translated from English by N. Tylevich. Moscow: HSE.
2. Castells, M. (2011) Network Theory of Power. *International Journal of Communication*. 5. pp. 773–787.
3. UNO. (2017) *Otchet General'noy Assamblei OON A/71/PV.93 ot 28 iyulya 2017 g.* [General Assembly Report A/71/PV.93. July 28, 2017]. [Online] Available from: <http://webtv.un.org/en/ga/>

watch/Генеральная-ассамблея-93-е-пленарное-заседание-71-я-сессия.5524642286001 (Accessed: 17th June 2018).

4. Potemkina, O. (2016) Usilenie ugrozy terrorizma v Evrope i otvet ES [Strengthening the threat of terrorism in Europe and the EU response]. *Analiticheskaya zapiska*. 9. pp. 1–6.

5. Arbatova, N.K., Andreeva, T.N., Vasiliev, V.I. et al. (2016) *Fenomen pravogo i levogo populizma v stranakh ES: Analiticheskiy doklad OEPI* [The phenomenon of right and left populism in the EU countries. Analytical report of the OEPI]. [Online] Available from: https://www.imemo.ru/files/File/ru/materials/Fenomen_doklad.pdf (Accessed: 15th June 2018).

6. Institute for Economics and Peace. (2017) *Global Terrorism Index*. [Online] Available from: <http://globalterrorismindex.org> (Accessed: 14th June 2018).

7. Cambridge Judge Business School. (2017) *2017 Cyber Risk Landscape*. [Online] Available from: https://www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/risk/downloads/crs-rms-cyber-risk-landscape-2017.pdf. (Accessed: 17th June 2018).

8. Federation of American Scientists. (2017) *Dark Web: Congressional Research Service Report by K. Finklea*. [Online] Available from: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44101.pdf>. (Accessed: 17th June 2018).

9. ODKB & MGIMO University. (2017) *Ugroza mezhdunarodnogo terrorizma i religioznogo ekstremizma gosudarstvam-chlenam ODKB na tsentral'no-aziatskom i afganskom napravleniyakh* [The Threat of International Terrorism and Religious Extremism to the ODKB Member States in the Central Asian and Afghan Directions]. [Online] Available from: http://imi-mgimo.ru/images/pdf/analiticheskie_doklady/igil.pdf. (Accessed: 14th June 2018).

10. MGIMO University. (2016) *Islamskoe gosudarstvo: fenomen, evolyutsiya, perspektivy* [Islamic State: Phenomenon, Evolution, Prospects. Report]. [Online] Available from: [https://mgimo.ru/upload/2016/01/an-doc-1\(45\)_2016.pdf](https://mgimo.ru/upload/2016/01/an-doc-1(45)_2016.pdf). (Accessed: 14th June 2018).

11. Kavkazgeoclub. (2015) *Islamskoe gosudarstvo: sushchnost' i protivostoyaniye* [Islamic state: essence and opposition]. [Online] Available from: [http://kavkazgeoclub.ru/sites/default/files/pdfpreview/dokladig-final.pdf_\(Accessed: 15th June 2018\).](http://kavkazgeoclub.ru/sites/default/files/pdfpreview/dokladig-final.pdf_(Accessed: 15th June 2018).)

12. UNO. (2016) *Report of the Secretary-General on the threat to international peace and security posed by ISIS (Daesh) and on the extent of UN efforts to support Member States in combating this threat S / 2016/92 of January 29, 2016*. [Online] Available from: <http://undocs.org/ru/S/2016/92>. (Accessed: 15th June 2018).

13. RIA. (2015) *Terakt na Bostonskom marafone 15 aprelya 2013 g.* [Terrorist attack at the Boston Marathon. April 15, 2013]. [Online] Available from: <https://ria.ru/spravka/20150415/1058333699.html> (Accessed: 17th June 2018).

14. TASS. (2016) *Rassledovanie boyni v nochnom klube v Orlando. Khronika sobytij*. [Investigation of the massacre at the nightclub in Orlando. The chronicle of events]. [Online] Available from: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3359349>. (Accessed: 17th June 2018).

15. International Institute for Counter-Terrorism. (2016) *Cyber-Terrorism Activities: Report*. [Online] Available from: <https://www.ict.org.il/UserFiles/ICT-Cyber-Review-16.pdf>. (Accessed: 15th June 2018).